

Agatha Christie[®]
СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Agatha Christie®

Агата Кристи

Почему не Эванс?

Москва
2015

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К82

Agatha Christie
WHY DIDN'T THEY ASK EVANS?

Copyright © 1934 Agatha Christie Limited. All rights reserved.

AGATHA CHRISTIE and the Agatha Christie Signature
are registered trademarks of
Agatha Christie Limited in the UK and/or elsewhere.
All rights reserved.

Кристи, Агата.

К82 Почему не Эванс? / Агата Кристи ; [пер. с англ.
В. Постникова, А. Шарова]. — Москва : Эксмо,
2015. — 320 с. — (Агата Кристи. Серебряная коллек-
ция).

ISBN 978-5-699-81273-8

Бобби Джонс, сын викария, играл со своим знакомым в гольф. Во время игры мяч Бобби улетел за край обрыва, и юноша пошел искать его. Но вряд ли он предполагал, что найдет нечто совсем другое... В овраге лежал умирающий человек. Его последние слова, которые услышал молодой Джонс, были: «Почему не Эванс?» Эта фраза, да еще фотография красивой женщины, найденная при погибшем, — вот и все зацепки, что имелись в распоряжении Бобби. Но молодой человек, загоревшийся идеей разобраться в этом запутанном деле, ничуть не смущен их скудостью. Вместе со своей подругой Бобби пускается на поиск разгадки...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-81273-8

© Шаров А.С., Постников В., перевод
на русский язык, наследники, 2012
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2015

1

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

Бобби Джонс положил свой мяч на метку для первого удара, слегка подался назад, неторопливо отвел клюшку и с молниеносной быстротой нанес удар. Вы думаете, мяч полетел прямо, подскочил над специально сделанной песчаной канавкой и приземлился там, откуда его можно было загнать ударом клюшки на зеленую лужайку вокруг четырнадцатой лунки? Не тут-то было! Клюшка царапнула по верху мяча, он медленно покатился по земле и застрял в песчаной канавке.

Не было и пылкой толпы, которая ахнула бы от страха. Единственный свидетель этого промаха ничуть не удивился, и это вполне объяснимо: удар-то нанес не родившийся в Штатах мастер этой игры, а всего лишь четвертый сын викария из Марчболта, небольшого городка на побережье Уэльса.

Бобби издал откровенно неприличное восклицание. Это был добродушный с виду молодой человек лет двадцати восьми. Даже лучший

друг вряд ли назвал бы его симпатичным, но лицо у него было очень располагающим, а карие глаза смотрели преданно, будто глаза честной собаки.

— День ото дня я играю все хуже и хуже, — удрученно пробормотал он.

— Вы торопитесь, — заметил его партнер.

Доктор Томас был мужчиной средних лет, седовласый, с бодрым красным лицом. Сам он никогда не размахивался изо всех сил. Нанося короткие прямые удары по центру мяча, он обычно одолевал тех, кто играл пусть и более зрелищно, но с ошибками.

Бобби в ярости накинулся на свой мяч с ниббликом¹. Удар у него вышел только с третьей попытки. Мяч лег неподалеку от зеленой лужайки, куда доктор Томас добрался двумя точными ударами клюшкой с железным наконечником.

— Лунка ваша, — сказал Бобби.

Они направились к следующей метке. Первым бил доктор, удар у него вышел красивый, прямой, но мяч улетел недалеко. Бобби вздохнул, поставил свой мяч, поправил его, долго перекладывал в руке клюшку, отступил, будто деревянный, назад, закрыл глаза, поднял голову, втянул правое плечо — словом, сделал все, чего ему делать не следовало, и мяч, рассекая

¹ Деревянная клюшка для гольфа.

воздух, полетел по самой середине поля. Бобби глубоко и удовлетворенно вздохнул. Хорошо знакомая всем досада игрока в гольф сменилась не менее знакомым выражением восторга.

— Теперь я знаю, в чем я портачил, — простодушно заявил Бобби. Мастерский удар клюшкой с железной головкой, легкий удар по самому краешку мяча другой клюшкой, и Бобби загнал в лунку верный мяч. Он сделал на удар меньше положенного, и доктор Томас потерял очко. Полный уверенности в себе, Бобби подошел к шестнадцатой метке. Он снова сделал все, чего делать не следовало бы, но на сей раз никакого чуда не произошло. Получился страшный, великолепный, можно сказать сверхъестественный срез! Мяч заметался какими-то ломаными зигзагами.

— Если бы вышел прямой, вот было бы здорово! — сказал доктор Томас.

— Если бы, — с горечью ответил Бобби. — Эй, мне послышался какой-то крик. Надеюсь, мяч ни в кого не угодил.

Он повернулся направо и стал всматриваться, видно было плохо. Солнце садилось, и, глядя прямо на него, трудно было различить что-либо достаточно отчетливо. Да и с моря поднималась легкая дымка. В двух-трех сотнях ярдов от них был обрыв.

— Там проходит тропинка, — сказал Бобби. —

Только вряд ли мяч мог туда долететь. И все-таки мне показалось, что я слышал крик. А вы?

Но доктор ничего не слышал. Бобби пошел поискать мяч. Нашел он его не без труда, но сыграть им было невозможно: тот зарылся в куст утесника. Бобби попробовал пару раз ударить по нему, потом поднял и крикнул партнеру, что сдает лунку.

Доктор подошел к нему, потому что следующая метка была у самого обрыва. Семнадцатая всегда нагоняла на Бобби безотчетный страх. Здесь надо было пробить мяч над расщелиной. Расстояние, по сути, было не такое уж большое, но бездна внизу всегда отвлекала его внимание. Они пересекли тропинку, которая вела от моря в глубь суши слева от них, огибая самый край утеса. Доктор взял клюшку с железной головкой, и его мяч приземлился на противоположном краю расщелины. Бобби глубоко вздохнул и нанес удар. Мяч стремительно понесся вперед и скрылся за краем пропасти.

— И каждый раз, черт побери, я делаю одну и ту же ошибку, черт побери! — с горечью сказал Бобби. Он подошел к краю пропасти и заглянул в нее. Далеко внизу сверкало море. Обрыв был крут только сверху, а потом переходил в пологий склон и мягко спускался к воде. Бобби медленно пошел по краю. Он знал одно местечко, где без особого труда можно было спуститься вниз. Так делали мальчики, обслуживаю-

щие игроков в гольф: они спрыгивали вниз и вскоре, запыхавшиеся, но ликующие, появлялись вновь с улетевшим мячом в руках. Внезапно Бобби замер и позвал своего партнера:

— Послушайте, доктор, идите-ка сюда. Что это там такое, как вы думаете?

Доктор затаил дыхание.

— Боже, — сказал он, — кто-то сорвался с утеса. Мы должны спуститься к нему.

Бок о бок двое мужчин спустились со скалы, более спортивный Бобби помогал доктору. Наконец они добрались до зловеще темневшей бесформенной груды. Это оказался мужчина лет сорока, он еще дышал, хотя и был без сознания. Доктор осмотрел его, потрогал руки и ноги, пощупал пульс, прикрыл ему веки. Опустившись на колени, он завершил осмотр и взглянул на Бобби. Тот стоял рядом, его тошнило. Доктор медленно покачал головой.

— Ничего не поделаешь, — сказал он. — Его песенка спета, бедняга. У него сломан хребет. Видимо, он не знал этой тропы и шагнул вниз, когда сгустился туман. Сколько раз я говорил в ратуше, что здесь нужно поставить ограду. — Он поднялся и добавил: — Я схожу за помощью. Договорюсь, чтобы тело подняли наверх. Того и гляди стемнеет. Вы побудете здесь?

Бобби кивнул.

— Я полагаю, ему уже ничем не поможешь? — спросил он.

Доктор покачал головой.

— Ничем. Уже скоро: пульс быстро слабеет. Он протянет еще самое большее минут двадцать. Вполне возможно, перед смертью сознание вернется к нему, а может, и нет. И все же...

— Пожалуй, я останусь, — быстро сказал Бобби. — Идите. У вас нет никакого лекарства на тот случай, если он очнется?

Доктор покачал головой.

— Ему будет совсем не больно, — сказал он и, повернувшись, стал быстро взбираться по обрыву. Бобби наблюдал за ним, пока тот, помахав рукой, не скрылся за гребнем, Бобби сделал пару шагов по узкому карнизу, уселся на каменный выступ и закурил сигарету. Он был потрясен. До сих пор ему не приходилось сталкиваться с болезнью или смертью.

Вот ведь невезуха! Ясный вечер, и вдруг с моря наползает туман. Один неверный шаг, и жизни конец. Да еще такой здоровый с виду мужчина. Наверное, ни одного дня в жизни не болел. Залившая лицо смертельная бледность не могла скрыть густой темный загар. Человек, который проводил жизнь на свежем воздухе, возможно, за границей. Бобби внимательнее взгляделся в его лицо: вьющиеся каштановые волосы, чуть тронутые сединой на висках, крупный нос, волевой подбородок, полуоткрытые губы обнажали белые зубы. Широкие плечи и красивые жилистые руки. Ноги изогнулись под не-

мыслимым углом. Бобби вздрогнул и перевел взгляд на лицо. Привлекательное лицо — живое, решительное, умное. Вероятно, подумал он, глаза у него синие.

И тут глаза открылись.

Они и впрямь были синими, темно-синими. Они смотрели прямо на Бобби. В них не было никакой растерянности, они оставались ясными, и взгляд был вполне осмысленный. Глаза внимательно смотрели на парня и одновременно, казалось, о чем-то вопрошали. Бобби быстро встал и направился к мужчине. Не успел он подойти, как тот заговорил. И голос был не слабым, а звучал четко и громко.

— Почему не Эванс? — произнес он. И вдруг по телу мужчины пробежала мелкая судорога, веки сомкнулись, челюсть отвисла.

Человек умер.

2

НЕМНОГО ОБ ОТЦАХ

Бобби опустился рядом с ним на колени, но сомнений не было: человек мертв. Последнее мгновенное просветление, этот неожиданный вопрос — и конец.

Как бы оправдываясь, Бобби сунул руку в карман умершего и, вытащив шелковый платок, почтительно накрыл им лицо. Это все, что он

мог сделать. Тут он заметил, что вместе с платком вытащил из кармана еще что-то. Это оказалась какая-то фотография, и, кладя ее на место, Бобби взглянул на запечатленное на ней лицо. Это было женское лицо, такое, которое странным образом западает в память. Она казалась почти девушкой, наверняка ей не было и тридцати. И не сама ее красота завладела воображением Бобби, а эта ее неотвязность, способность запоминаться навсегда. Такое лицо не забудешь, подумалось молодому человеку. Он осторожно и с почтением положил фотографию в карман, из которого она выпала, затем снова уселся на камень и стал ждать возвращения доктора.

Время тянулось очень медленно, во всяком случае, так казалось ждущему парню. И тут он вдруг вспомнил: он же обещал отцу сыграть на органе во время вечерней службы в шесть часов, а было уже без десяти! Естественно, отец сделает скидку на обстоятельства, но все равно Бобби жалел, что не попросил доктора сообщить отцу. Преподобный Томас Джонс был человеком исключительно нервным, причем волновался преимущественно по пустякам, а от волнения у него расстраивалось пищеварение, и он испытывал страшные муки. Бобби хоть и считал отца жалким старым ослом, но очень любил его. Преподобный же Томас, в свою очередь, считал четвертого сына жалким юным ос-

лом и, уступая Бобби в терпимости, все пытался как-то перевоспитать молодого человека.

«Бедный старикан, — подумал Бобби. — Он будет рвать и метать. Он не будет знать, начинать службу или нет. Он изведется до того, что у него заболит живот, и тогда он не сможет поужинать. У него же не хватит ума понять, что я бы его не подвел, если б мог этого избежать. А, все равно, какое это имеет значение? Но он никогда не поймет. У всех, кому за пятьдесят, не осталось здравого смысла, они изводят себя до смерти по сущим пустякам. Наверное, их не так воспитывали, и теперь они ничего не могут с собой поделать. Бедный старый папочка, ума у него как у куренка!»

Он сидел и думал об отце со смешанным чувством любви и раздражения. Жизнь дома казалась ему одной непрерывной жертвой, приносимой в угоду представлениям его отца. А мистеру Джонсу она виделась непрерывной жертвой с его стороны. Жертвой, неверно понятой и принимаемой молодым человеком как должное. Вот так могут разниться представления об одном и том же предмете.

Как долго нет доктора — целую вечность! Пора бы ему уже давно вернуться. Бобби встал и угрюмо зашагал взад-вперед. Тут он услышал над головой какой-то звук и поднял глаза, благодаря Бога, что помощь подоспела и его услуги больше не нужны.

Но оказалось, что это не доктор, а какой-то незнакомый Бобби мужчина в брюках для гольфа.

— Послушайте, — сказал вновь прибывший, — случилось что-нибудь? Несчастье? Могу я чем-нибудь помочь?

Высокий мужчина с приятным тенором. Бобби видел его не очень четко, так как сумерки быстро сгущались. Он принялся объяснять, что произошло, а незнакомец по ходу объяснения издавал испуганные охи и ахи.

— Могу я что-то сделать? — спросил он. — Позвать на помощь или что-нибудь такое?

Бобби объяснил, что подмога уже идет, и спросил, не видит ли незнакомец признаков ее приближения.

— Пока никого нет.

— Видите ли, — продолжал Бобби, — у меня в шесть часов дело.

— А вам не хочется уходить.

— Да, не хочется, — признался Бобби. — То есть бедняга мертв и все такое, и разумеется, сделать ничего нельзя, но все равно... — Он умолк, обнаружив, как обычно, что ему сложно облечь сложные чувства в слова. Но его собеседник, казалось, все понял.

— Я знаю, — сказал он. — Послушайте, я сейчас спущусь, если, конечно, разгляжу дорогу, и побуду здесь, пока не придут эти ребята.

— Ах, что вы говорите? — с благодарностью воскликнул Бобби. — Видите ли, речь идет о

моем отце. Человек он неплохой, но вечно расстраивается. Вам видно? Чуть левее, теперь вправо, вот так. И не трудно ведь совсем, а?

Он ободрял незнакомца и направлял его, пока двое мужчин не оказались лицом к лицу на узкой площадке. Пришельцу было лет тридцать пять. У него было несколько безвольное лицо, которому, казалось, недостает монокля и усов.

— Я нездешний, — объяснил он. — Кстати, моя фамилия Бэссингтон-ффренч. Приехал присмотреть себе дом. Послушайте, надо же такому случиться. Вероятно, упал с утеса?

Бобби кивнул.

— Поднялся легкий туман, — объяснил он. — Тут опасный отрезок тропинки. Ну, пока. Большое спасибо. Я должен спешить. Очень любезно с вашей стороны.

— Ну что вы, — запротестовал Бэссингтон-ффренч. — Любой на моем месте поступил бы точно так же. Нельзя же оставить беднягу лежать. Я хочу сказать, это было бы как-то неприлично.

Бобби взобрался по крутой тропке, помахал сверху рукой и пустился бегом. Чтобы сэкономить время, он перемахнул через стену церковного двора, вместо того чтобы огибать ее по дороге и входить в ворота. За всем этим с глубоким неодобрением наблюдал из окна ризницы викарий. Было уже пять минут седьмого, но ко-